

2011 – ГОД РОССИИ В ИСПАНИИ И ИСПАНИИ В РОССИИ

ИСПАНЦЫ И РУССКИЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

О.В. Волосюк

Кафедра всеобщей истории.
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

Во второй половине XVIII в. испанцы и русские продолжали свои открытия на тихоокеанском побережье, продвигаясь все больше и больше навстречу друг другу. Автор предлагает для публикации отчет капитана пакетбота «Сан Карлос» Гонсало Лопеса де Аро о посещении русского поселения в гавани Трех святителей на острове Кадьяк. Это была первая встреча русских и испанских мореплавателей на далеких берегах тихоокеанского побережья Северной Америки.

Ключевые слова: испано-русские отношения, экспедиции, Тихий океан, Калифорния, Аляска.

Исследование испанцами тихоокеанского побережья Северной Америки началось в первой половине XVI в. После экспедиций Эрнана Кортеса 1533 и 1535 г. оно продолжалось. Эрнандо де Аларкон доказал, что Калифорния являлась не островом, а полуостровом, Родригес де Кабрильо в 1542 г. основал поселение Сан Мигель, которое вскоре было переименовано в Сан Диего. В XVII в. после экспедиции Себастьяно Бискаино в 1602 г. испанские изыскания в этом регионе практически прекратились; только в конце столетия иезуиты начали создавать там свои миссии (1).

В начале XVIII в. к исследованию тихоокеанского побережья приступили русские. Незадолго до смерти Петр I повелел отправить экспедицию во главе с В. Берингом с целью узнать, «сошлась ли Америка с Азией». В 1741 г. Беринг и Чириков совершили путешествие для открытия берегов Америки. В конце 40-х гг. в ходе ряда торговых экспедиций был открыт ряд Алеутских островов, а в 1760 г. русские путешественники достигли острова Уналашка, где было основано первое русское поселение (2).

Испанское правительство также придавало огромное значение дальнейшему освоению этого региона, что отчетливо проявляется при исследовании переписки мадридского двора со своими дипломатическими представителями.

Еще в первой половине XVIII в. испанцы открыли для себя побережье Нижней Калифорнии, примерно до 30° с.ш., и планировали продвижение на север, а потому успехи русских в этом регионе сильно обеспокоили мадридский двор (3). «Поручаю Вам, – говорилось в королевской инструкции испанскому посланнику в Петербурге, маркизу де Альмодовару в 1761 г., – чтобы, действуя осмотрительно и не выдавая своих намерений, Вы постарались разузнать, к чему привели открытия русских, пытающихся наладить морское сообщение с Калифорнией, ибо я не только уверен, что в этих попытках они преуспели больше, чем другие страны, но и считаю подозрительным упорное молчание, хранимое русским и лондонским дворами по этому вопросу, который в будущем может иметь для них большое значение. Для нас необходимы надежные сведения о помыслах этих дворов, дабы воспрепятствовать их успехам по этой части» (4).

С конца 60-х гг. XVIII в. испанцы продолжили продвижение в северном направлении. В 1767 г. они основали францисканскую миссию Санта-Мария-де-лос-Анхелес и порт Сан Блас, который стал их главной морской базой, и приступили к колонизации Северной Калифорнии.

В 1770 г. они построили форт на берегу залива Монтерей и основали ряд миссий на побережье между Сан Диего и Сан Франциско (5). А в 1772 г. испанский король Карл III вновь напомнил новому испанскому посланнику в Петербурге графу де Ласи: «В инструкциях, данных маркизу де Альмодовару, и в его корреспонденции затронут еще один вопрос, требующий Вашего пристального внимания. Он касается путешествий русских в Калифорнию, которые они неоднократно предпринимали с более успешным результатом, чем другие государства. Вы должны иметь в виду эти прожекты, проявлять ловкость и скрытность, чтобы выяснить, предпринимались ли такие экспедиции и с каким результатом, либо что они отказались от этой идеи, так как для нас весьма важно воспрепятствовать им. С этой целью мы повелели предпринять экспедицию (что и было сделано) в края, где на побережье были основаны различные поселения, и была составлена географическая карта этих поселений. Вместе с настоящей инструкцией я направляю Вам копию этой карты с тем, чтобы она всегда находилась у Вас под рукой, и Вы могли ею воспользоваться» (6).

Следует заметить, что российское правительство выказывало гораздо меньшие опасения, и, соответственно, российские дипломаты в Мадриде уделяли вопросу об освоении испанцами тихоокеанского побережья в Америке меньше внимания.

В 1774 г. С.С. Зиновьев докладывал в Петербург, что в январе секретная экспедиция под командованием капитана Дангора предположительно отправилась в Калифорнию для отыскания пути на Камчатку (7).

В апреле следующего года Зиновьев сообщал, что российский консул в Кадисе И. Бранденбург получил несколько писем из Мексики об открытых испанцами новых землях (8). В мае 1776 г. он информировал Петербург об отправке из Испании экспедиции под управлением Букеремо для открытия и присоединения к ней новых земель в Калифорнии. Зиновьев полагал, что главной причиной столь спешно собранной экспедиции стало обнаружение там новых серебряных рудников (9).

В 80-е гг. продолжалось продвижение русских и испанских первопроходцев навстречу друг другу. Еще в 1779 г. испанцы достигли 61°с.ш. и там, на берегу, у входа в залив Принс-Вильямс соорудили символический крест и заявили о принадлежности этой земли Испании. Это была самая северная точка, достигнутая испанцами в Америке (10).

Русские также продолжали свои открытия на тихоокеанском побережье. В 1783 г. экспедиция Г.И. Шелихова двинулась на северо-восток от Уналашки. За это время они основали поселение в гавани Трех Святителей на острове Кадьяк, а также в 1786 г. две крепости – на о. Афгонак и у входа в Кенайский залив на материке. Он открыл там школу, в которой обучали детей русскому языку и некоторым другим наукам. Так, к середине 80-х гг. русские путешественники создали цепь важных форпостов примерно на широте 57–59° с.ш. (11).

В середине 80-х гг. правительство Екатерины II делает попытку закрепить права России на Алеутские острова и западное побережье Северной Америки. С этой целью было решено отправить две правительственные экспедиции: одну – с научными целями, другую – с военно-политическими.

Экспедиция Биллингса имела огромное научное и политическое значение. Русское правительство продемонстрировало свою решимость закрепить за Россией завоевания русских мореходов в Тихом океане и пресечь какие-либо посягательства на них со стороны других держав.

Активность русских мореходов в Северной части Тихого океана не осталась незамеченной в европейских странах, особый интерес и озабоченность она вызвала в Мадриде и Лондоне. Испанцы направили 5 экспедиций с целью освоения территории Калифорнии. Англичане срочно стали интересоваться Северо-западным проливом. В последней четверти XVIII в. у берегов русских владений на Тихоокеанском севере начали появляться английские, испанские, французские, а затем и американские суда.

В 1778 г. на острове Уналашка произошла встреча экспедиции Дж. Кука с находившимися там русскими моряками (12).

Сведения о новых открытиях российских мореплавателей передавались испанскими дипломатами из Петербурга в Мадрид. «Все то время, что я нахожусь на этом посту, – сообщал в 1784 г. секретарь испанского посольства Мигель де Асанса, – я старался лично изучить сведения об открытиях русских на Американском континенте, в южной части Калифорнии, и основанных ими там поселениях» (13). Он сообщал далее о существовании Сибир-

ской торговой компании, которая вела торговлю пушниной с Курильскими и Алеутскими островами и побережьем Америки, и о том, что под руководством Д. Биллингса планировалась новая экспедиция русских.

«Я разговаривал с этим офицером, – писал М. де Асанса, – и хотя он мне сказал, что получил приказ лишь добраться до Камчатки через Охотское море, а остальные приказы и инструкции, что делать потом, ему вышлют на место, но, по его словам, я понял, что его миссия состоит в путешествии и новых открытиях на Севере, на Тихом океане, а также у берегов Америки и даже Японии» (14).

Полученная информация вскоре была подтверждена донесением испанского посланника Петербурге Педро де Норманде.

В 1787 г. государственный секретарь по делам Индий Хосе де Гальвес от имени Карла III направил распоряжение в аудиенцию Мехико отправить из Сан Бласа морскую экспедицию на север Калифорнии, чтобы выяснить, есть ли там русские поселения (15). В июле 1787 г. преемник Гальвеса, Антонио де Вальдес, напомнил новому королю новой Испании Мануэлю Антонио Флоресу об отправке экспедиции на север. Однако ее снаряжение сильно затянулось, и лишь 8 марта 1788 г. фрегат «Ла Принсеса» под командованием Эстебана Хосе Мартинеса и пакетбот «Сан Карлос» (16) под командованием Гонсало Лопеса де Аро отплыли из Сан Бласа (17). 24 июня после захода в Кенайский залив и посещения острова Монтагю корабли разделились, а через несколько дней, 28 июня, «Сан Карлос» достиг острова Кадьяк, где находилось русское поселение в гавани Трех святителей. Там его встретил главный правитель поселения Евстрат Иванович Деларов (18). Об этом и сообщал в августе 1789 г. испанскому министру по делам Индий Антонио де Вальдесу вице-король Мексики Мануэль Антонио Флорес: «В прошлом, 1788, году во исполнение приказов двора верховным правительством была направлена морская экспедиция на север этого континента до Южного моря с целью обнаружения новых поселений русских. Для этой экспедиции были предназначены два судна: фрегат «Ла Принсеса» и пакетбот «Эль Филиппино» под командованием капитана г-на Эстебана Хосе Мартинеса, одного из лучших офицеров королевского флота.

Путешествие началось успешно. Поднявшись до 67° с.ш., прошли побережьем на северо-запад до порта Уналашка, расположенного на небольшом острове около 54° с.ш. недалеко от берега, где находится основное поселение русских. Члены нашего экипажа общались с поселенцами, а их комендант принял моряков весьма радушно, предоставив значительную помощь и информацию, которые они попросили. От него они узнали, что правительство Камчатки, которому подчиняется колония Уналашка, приняло решение о занятии порта Нутка, называемого испанцами Сан-Лоренсо, расположенного на 49°36' у побережья Новой Калифорнии. В нынешнем году исполнители данного решения, члены экипажа и их семьи должны были прибыть на двух фрегатах с Камчатского п-ва для организации данного поселения. С этими

важными новостями наши вернулись в порт Сан-Блас (19), и капитан Мартинес в конце октября нынешнего года представил отчет о результатах его путешествия.

Верховное правительство, видя важность этого дела, сознает необходимость опередить каких бы то ни было иностранцев в таких столь вредных и опасных для интересов монархии замыслах, а г-н вице-король дон Мануэль Антонио Флорес попросил предоставить в его распоряжение, не теряя времени, новую эскадру, чтобы занять порт Сан-Лоренсо-де-Нутка и основать там поселение. В начале марта текущего года в порте Сан-Блас снарядили два фрегата – “Ла Принсеса” и “Ла Фаворита”, которые вышли в море, имея все необходимое для этой экспедиции, а в апреле тем же курсом был отправлен пакетбот “Арансасу”, который вез боеприпасы и продовольствие. Из-за ненастной погоды фрегаты разошлись и прибыли в Сан-Лоренсо с промежутком в восемь дней» (20).

Итак, «Сан Карлос» (или «Эль Филиппино») первым достиг русского поселения на острове Кадьяк. Об этой встрече сохранился отчет, составленный капитаном пакетбота Гонсало Лопесом де Аро на имя М.А. Флореса (21). Этот документ о первой встрече русских и испанцев на Тихоокеанском побережье Северной Америки мы и предлагаем для публикации (22).

Русско-испанские связи во все времена развивались не только на базе активных дипломатических отношений. У российско-испанской дипломатии было мало спорных проблем, периодами она имела чисто формальный характер. Гораздо более важную роль играло общение самих народов, будь то испанские купцы, основавшие в Петербурге торговый дом, или российские морские гардемаринны, проходившие службу в Испании – примеров можно приводить много: все то, что мы называем сейчас «народной дипломатией», способствовало, наряду с высокой политикой, союзами и договорами, укреплению добрых отношений между двумя странами.

Перед нами один из примеров подобной народной дипломатии – встреча двух мореходов, исследователей, путешественников, когда оба находились за десятки тысяч километров от родины. Это фактически первая встреча русских и испанских мореплавателей на далеких берегах тихоокеанского побережья Северной Америки.

Огромный интерес для читателя представляет описание самих взаимоотношений этих людей. Однако важен и другой аспект проблемы. Лопес де Аро в своем отчете предлагает подробное описание русских и русского быта на северных островах, создавая образ России глазами испанца XVIII в. Более того, его отчет может служить не только для раскрытия жизни русских людей в далекой Америке, но и для понимания характера самого автора – мы можем судить, на что он обращал внимание, чем интересовался, что оставлял в стороне, как себя вел и т.д.

Вскоре этот его рассказ, отправленный в Мадрид, будет приобретать все более и более официальный характер, создавая у испанцев более широкое

представление о России, равно как и многие русские документы подобного характера создавали представление в России об Испании, способствуя большему взаимоузнаванию наших народов.

**Доклад Гонсало Лопеса де Аро и лоцмана пакетбота «Сан Карлос»,
или «Филиппино», Мануэлю Антонио Флоресу,
в котором представлен отчет о плавании вокруг Нутки (23)
и посещения гавани Дос Пунтос (24)**

Говорится, что встретил русского капитана дель Аро (25), о радушном приеме. Дель Аро посетил «Сан Карлос», передал письма и карты Лопесу, из которых известно, по меньшей мере, о трех русских поселениях, о числе жителей. Лопес достал также 8 сертификатов об уплате индейцами пошлин русским и одно письмо на английском языке.

«Около 9 часов капитан сказал, что нам надо стать на якорь в небольшой бухте и что там – хороший порт. Я ответил ему, что при наличии попутного ветра я так и собираюсь поступить, поскольку до этого мы стояли на якорю в открытом месте. Вскоре он собрался на берег, но я постарался задержать его, сказав, что, если он окажет мне честь, отобедав со мной, я оценю это очень высоко. Я особо подчеркнул, какое удовольствие доставляет мне его компания и его спутников. Вечером русские покинули корабль, отплыв на шлюпке, которая гораздо более удобна, чем байдарки, которыми они управляют, забрав с собой бочонок превосходного испанского вина, который я поднес им в знак моей дружбы и который они приняли с удовольствием.

После обеда капитан спросил меня, видел ли я небольшую шхуну в заливе Принс Уильямс (26). Я ответил, что оставался на широте 60° и видел дом в западной части острова Монтагю, на что он мне ответил, что и шхуна, и дом принадлежат ему, и что у него есть еще один дом на широте 61°. После обеда и беседы он приступил к рассказу, а я, поняв, что он разбирается в лоцманском деле, показал ему карту побережья, рассчитывая, что он укажет на ней порт Нутка или сообщит какие-либо другие сведения.

Взяв в руки карту, он попросил карандаш и изобразил широкий и судоходный для любого корабля пролив (27), который начинается в южной части залива Кука (28) и доходит до мыса Троицы (29), гавани Дос Пунтос (30), мыса Гравиль (31) и мыса Рада, который является самой южной точкой указанного пролива. Получив столь важные сведения, я попросил его показать мне одну из карт, чтобы скорректировать по ней мою. Он ответил, что подарит мне одну.

В 3 часа шлюпка отвезла их на берег. Они взяли с собой бочонок вина, который я подарил им, а также шоколад и некоторые другие вещи, которые я подарил капитану. Я приказал второму лоцману, дону Хосе Марии Нарваэсу, чтобы он проводил их и был осторожен с нашими людьми на берегу. В 11 ч ночи шлюпка вернулась с картой, обещанной мне русским капитаном, на которой была обозначена местность от мыса Элизабет до мыса Троицы и пролив, который он начертил на моей схеме. Вернулся и лоцман, который посетил поселение, находившееся в глубине указанной бух-

ты и расположенное в порту, скрытом от всех ветров. На берегу он заметил два судна вместимостью около 80 т, на одном из которых было 4 или 5 пушек.

В поселении было 14–15 домов, 50–60 русских и несколько индейцев разного возраста и пола. И пока их не застала ночь, он так, чтобы русские не заметили, искося разглядывал все, стараясь рассмотреть все тщательно.

1 июля в 7 часов утра на шлюпке я сам отправился на берег, чтобы выяснить что-нибудь полезное и для меня. Когда я прибыл, капитан дель Аро вместе с офицерами вышел меня встретить, и, поприветствовав, предложил мне прогуляться. Таким образом, я увидел следующее.

Описание поселения русских. Я видел, что они заканчивают строительство амбара достаточно больших размеров, состоявшего из двух частей. Построен он из сосновых досок... В соседнем здании находилась школа, в которой индейцы учились читать и писать по-русски и изучали Закон Божий. Невдалеке я заметил цепочку хижин, в которых они жили. А когда мы поднялись на борт одного из стоявших на берегу двух судов, которые были закреплены на подпорках, то я смог хорошо рассмотреть два склада, доверху заполненные шкурами бобров. Одна комната в одном из этих домов служила часовней или церковью, в которой у них была переносная молельня, с помощью которой они совершали свои обряды. Одновременно это помещение служило жилищем священника, которого русские называют «пастор». Я видел, как он объяснял Закон Божий нескольким взрослым индейцам.

Описание военных укреплений. На корме другого судна находилось караульное помещение. Там я заметил офицера с солдатами, караульную вышку, на которой находился часовой с ружьем через плечо, и сторожевую будку, похожую на большую башню. Эти солдаты ничем не отличались от других русских – только носили длинные усы. Я осторожно пытался рассмотреть их вооружение, но не увидел ничего, кроме четырех маленьких пушек и одного оружейника при ружьях. Все это и составляло караульное помещение.

Морское снаряжение. Указанные суда представляют собой двухмачтовые небольшие галеры, русские называют их «галеоты». Я спросил капитана дель Аро, для чего им нужны эти корабли. Он мне ответил, чтобы отпугивать индейцев и отражать их нападения, объяснив мне, что местные язычники характер имеют двуличный и доверять им нельзя, при этом показал несколько ран от стрел, которые имеют офицеры и прочие русские.

Рыбная ловля и доходы от нее. Осмотрев корабли, я вернулся в поселение в сопровождении капитана дель Аро и его офицеров. Мне показали там большой дом, где находилось 10 огромных чанов и множество индейцев. Они занимались заготовкой рыбы: одни растапливали китовый жир, другие жарили рыбу, третьи вытаскивали готовую рыбу, остальные занимались уборкой. Я спросил, зачем им столько рыбы, на что капитан Аро ответил, что это запасы на весь зимний период.

Пушнина. Затем меня привели на большой двор, где было разбросано множество бобровых шкур для сушки. Взяв одну из них в руки, он мне сказал, что этот мех очень ценится в их стране. Я взглянул на нее без большого восхищения, заметив, что в Испании этот мех совсем не ценится. Когда мы вышли за ограду, мне по-

казали два огорода, на которых выращивали различные овощи. После осмотра мы отправились в дом офицера, управляющего складом, который отвечал также и за хранение пушнины. Там мне устроили обед, на котором присутствовал капитан с офицерами, а также жена хозяина дома.

Этнография и обычаи. Эта женщина была молода и привлекательна, в элегантной одежде из тонкой китайской ткани, вместе с ней был светловолосый красивый ребенок. Офицеры приветствовали ее, а я спросил ее мужа, откуда она. Он ответил, что она из Сибири. Дом капитана и офицера, управляющего складом, достаточно больших размеров даже для того, чтобы в нем могли проживать все русские, но потолки в нем низкие, а снаружи покрыты навесом из ельника. В доме – две отдельные комнаты, предназначенные для управляющего складом и для капитана дель Аро. Они очень чистые с деревянной, тщательно изготовленной мебелью, а перегородки обшиты великолепной тканью, изготовленной в Китае. На передней стене висит огромное зеркало, многочисленные картины с изображением святых (иконы. – О.В.), а в комнате управляющего складом – огромная роскошная кровать. С капитаном Аро живет другой офицер, у которого были огромные усы и который болен в день моего визита. Когда я спросил, чем он занимается, мне сказали, что он командует солдатами. Возвращаясь вечером к борту корабля, я увидел у двери одного дома двух женщин, которые были одеты так же, как и жена управляющего складом. Я спросил, кто они, на что мне ответили, что они русские из Сибири.

Искусство осады укрепленных пунктов. На всем протяжении поселения я не увидел ни укреплений, ни артиллерии. И, поскольку мне показалось, что сил караульной службы недостаточно, чтобы отражать нападения индейцев, я спросил капитана Аро, как они защищаются. Он мне сказал, что они собирают всех поселенцев на галере и с помощью пистолетов и ружей отражают нападения индейцев, стреляя также из четырех своих пушек.

Индейцы этого поселения одеваются так же, как и индейцы залива Принс Уильямс, а те, которые приняли христианство по русскому обряду (православие), одеваются, как русские, и к ним относятся лучше, чем к остальным индейцам. Но все они очень послушны и мгновенно отзываются на голос любого русского.

Положение в других русских поселениях. После обеда капитан проводил меня на свою половину дома. Я поинтересовался, есть ли поселения на острове Тринити. Он ответил, что там только русская сторожевая вышка, а поселения есть на Ривере Кука, острове Уналашка и в других местах на побережье. Всего в этих поселениях проживает 462 чел. А затем я спросил его, есть ли русские поселения в порту Нутка (или, как его еще называют, Кинг Уильямс). Он ответил отрицательно, но добавил, что в 1780 г. из Сибири была направлена экспедиция из двух фрегатов для заселения этого порта, потому что в этих местах обитает огромное количество бобров.

Я увидел самое главное в поселении, и в 3 часа возвратился к своему пакетботу в сопровождении офицера, управляющего складом. В 7 часов вечера на борт прибыл капитан дель Аро с письмом и сообщением, которое он только что получил с прибывшим каноэ. Сообщение было от командира поселения на мысе Элизабет (32): написано оно было по-русски, а письмо – по-английски. Он дал мне прочитать это

письмо, полагая, что оно написано по-испански. Как он объяснил, в сообщении говорилось, что это письмо вручил капитан фрегата, который недавно встал на якорь в заливе Кука, и, полагая, что тот фрегат принадлежал моей охране, он вручил мне это письмо, чтобы я ознакомился с его содержанием. На это я ему ответил, что это не испанский фрегат, поскольку письмо написано не по-испански, а, похоже, по-английски.

Он удивился, когда узнал об этом, и выглядел очень рассерженным. Когда разговаривал с офицером, управляющим складом, он зачитал ему сообщение, некоторое время они что-то обсуждали, а когда закончили, он выразил сожаление, что не может понять содержание письма и вынужден отправить его императрице. Я попросил его разрешения снять копию, он не возражал. После ужина я вновь спросил его, сколько русских проживает во всех поселениях на побережье. Видимо, ему показалось, что в первый раз я его не понял, и он написал число 462, то же самое, что он мне назвал. Когда он понял, что меня интересует расположение поселений, он попросил мою карту и, положив ее на стол, начал свои объяснения.

Сначала он ткнул пальцем в одно поселение и в этом месте написал пером: 60 русских и 2 галеота. Затем он указал на западную часть мыса Элизабет и отметил там 40 русских. В поселении, находящемся на мысе Рада, он поставил пометку «37 чел.», и на южном побережье пролива Флорес, где есть небольшой островок, проживают 40 русских.

Затем он пометил большой галеот с экипажем в 70 человек, который стоял на якоре в самом начале указанного залива. Когда я спросил его, зачем нужно столько людей, он объяснил, что это судно предназначено для помощи поселенцам в случае нападения аборигенов. И, наконец, на мысе Альвиде он отметил поселение со 120 русскими и 2 галеотами.

Когда он пометил все поселения, я поинтересовался, с какой целью они имеют дом в заливе Принс Уильямс, который было видно со шлюпки пакетбота на западе острова Монтагю, и другой на широте 61°. Он ответил, что они предназначены для хранения пушнины, которую в течение лета собирает один галеот, курсирующий с 10 членами экипажа вдоль побережья до порта Нутка, и который зимует ежегодно в гавани Дос Пунтос. Он повторил, что это – те же самые дома, о которых я спрашивал в первый вечер, когда он прибыл на борт пакетбота.

Когда он закончил свои разъяснения, я сложил все числа и получил в результате тех 462 русских, о которых он мне говорил в самом начале. Таким образом, я на самом деле уяснил все о поселениях русских и о том, что он мне рассказывал.

Встреча с экспедицией Эстебана Х. Мартинеса. 2 июля мы направились на поиски острова Тринити с целью встретиться с флагманским кораблем, который, по полученным накануне от русских сведениям, стоял на якоре около этого острова (33). Как только мы подошли к ним, мы бросили якорь у самого края северо-западной части острова. Завершив с этим, я перебрался на фрегат, чтобы отчитаться перед капитаном обо всем, что произошло в поселении гавани Дос Пунтос, а потом решил точно удостовериться, что на Тринити действительно только один русский сторожевой пост с одним русским и несколькими индейцами.

Отплытие и посещение Уналашки. 3-го того же месяца вслед за флагманским кораблем я направился в сторону Уналашки, а 4 августа встал там на якорь. Там я встретил «Принцессу», которая ушла вперед во время плавания с Тринити на Уналашку.

Прибыв на Уналашку, я нашел там только одного управляющего, которого звали капитан Кузьмич (34). В самом поселении есть два склада для хранения бобровых шкур, спермы кита и множества бочек, в которых русские хранят заготовленную рыбу. В поселении только один большой дом, состоящий из двух помещений: первая огромная комната служит казармой для всех проживающих там русских; вторая, маленькая – для Кузьмича. Невдалеке можно насчитать около 20 индейских хижин, обитатели которых работают на русских. На берегу я заметил один закрепленный на подпорах галеот.

Среди индейцев острова выделяется один, достаточно цивилизованный, которого уважают русские. Он жил в Петербурге и получил от императрицы некоторые знаки отличия, а также патент на должность судьи над всеми индейцами. Зимой, когда Кузьмич из-за ужасных штормов и морозов на этом острове вынужден был с поселенцами и кораблями перебраться в гавань Дос Пунтос, этот индеец оставался здесь в должности губернатора.

Само поселение расположено в болотистой местности недалеко от моря и на берегу впадающей в него реки. Я обратил внимание на то, что на всем острове не было дров, и русские отапливали свои помещения тем, что море выбрасывает на берег, а если и этого не хватало, то они готовили еду, поддерживая огонь с помощью корней растения, похожего на дрок.

Индейцы этого острова одеваются и питаются так же, как и индейцы залива Принс Уильямс. Они служат русским, которые относятся к ним довольно строго, и платят ежегодный налог императрице размером в 3 песо.

На острове Уналашка я узнал следующее: на мысе Рада проживает некоторое число русских, 60 человек в гавани Дос Пунтос, 120 человек – на Уналашке, а дом, который виден на Принс Вильямс, построил капитан Кузьмич; всего русских на побережье и острове Уналашка около 500 человек; два фрегата, которые ожидают из Сибири в следующем, 89, году, должны будут немедленно направиться для заселения Нутки.

Таким образом, сведения, полученные мной в гавани Дос Пунтос, совпадают с теми, которые я приобрел на Уналашке. Существует только одно расхождение: здесь отрицают наличие поселения на мысе Елизаветы, находящемся на 55°15' с.ш. и 198°37' по Гринвичскому меридиану. Другие отрицают наличие пролива, который начинается в заливе Кука и заканчивается на мысе Тринити (35), расположенном на 58° с.ш. и 240°52' указанного Гринвичского меридиана.

Хотелось бы, чтобы это было правдой, и чтобы я только был бы обманут капитаном дель Аро в Гавани Дос Пунтос, но тогда встал бы вопрос, куда делись оставшиеся 320 человек, кроме тех 120, проживающих на Уналашке, и 60 человек, проживающих в гавани Дос Пунтос. Мне бы ответили, что они проживают в проливе Рада и распределены по нескольким редутам. Но этого не может быть, так как

я видел, что в редуте на острове Тринити только один русский и несколько индейцев. Такое же положение со всем населением, проживающим на мысе Рада. Они, правда, заявили, что на указанном мысе есть какие-то русские, но поскольку они назвали точное число проживающих на Уналашке и в поселении Дос Пунтос, им следовало бы назвать и точное число жителей на мысе Рада. Их вынудило сделать это только присутствие пакетбота в гавани Дос Пунтос. Если бы этого не было, то во время беседы на Уналашке они бы полностью скрыли ситуацию с порядком проживания русских в этих местах.

Не вызывает сомнения, что есть русские поселения в заливе Кука: туда прибыло какое-то судно, и капитан написал письмо капитану дель Аро, которое и было передано ему русскими, проживавшими на берегах залива. Письмо сопровождалось сообщением о том, что содержание самого письма непонятно. Капитан дель Аро привез мне его на борт пакетбота, чтобы я или кто-нибудь на судне, кто знает испанский, посмотрели, написано ли оно на нем, чтобы передать императрице его содержание. Но, взглянув на него, я убедился, что письмо написано не по-испански и не по-французски, а, похоже, по-английски. Когда капитан дель Аро понял, что нет никого, кто мог бы перевести это письмо, он разрешил мне снять копию, заявив, что, несмотря на то, что никто не может его перевести, он обязан отправить его императрице.

В первый день, когда капитан дель Аро прибыл на борт пакетбота, мне он показался порядочным и утонченным человеком. Кроме того, когда он узнал о сходстве наших фамилий, он обрадовался и стал выказывать мне знаки дружеского расположения, что не оставило у меня сомнений в достоверности переданных им сведений.

12 августа. Командир отдал мне устный приказ, чтобы после отплытия с Уналашки наши суда разделились, и я двинулся бы прямо в порт Монтерей, поскольку время года не позволяет исследовать еще и Нутку. 19-го числа он, проходя мимо пакетбота, повторил мне этот приказ.

18 числа указанного месяца вслед за фрегатом я приготовился к отплытию с Уналашки, а 21 числа я вновь увидел флагманский корабль около 2 часов дня, поскольку из-за сильного западно-юго-западного ветра и волнения на море оба корабля встали на якорь недалеко от одного из островов севернее Уналашки. Бизань-мачта и маленький кливер фрегата были направлены на юг, что означало, что они потеряли якорные канаты. Одновременно я заметил, что шлюпку они, похоже, тоже потеряли, так как с самого начала шторма ее на борту не было, и я не видел, чтобы они ее поднимали. В 3 часа нос фрегата повернулся к северо-западу, был натянут галс фок-мачты и подтянуты шкоты у парусов. К ночи я потерял его из виду. К утру, когда ветер успокоился, я поискал флагманский корабль, но не нашел, и тогда я поднял якорь, чтобы поскорее покинуть это место и держать фрегат в поле зрения. Из-за резких порывов часто меняющегося ветра мне не удалось это сделать. Кроме того, перед бурей небо сильно потемнело, и я постарался как можно скорее уйти от этих островов, что мне удалось сделать.

17 числа, так и потеряв из виду фрегат, я направил корабль в обратный путь. Помня о частых штормах, которые случаются в этих местах, и о том огромном рас-

стоянии, которое мне предстояло еще преодолеть, я постарался не терять времени, чтобы представить отчет в. пр-ву обо всем произошедшем в течение экспедиции.

В ночь на 9 сентября я собрал офицеров корабля и сообщил, что по выбранному мной курсу после потери фрегата у Уналашки я собираюсь пристать к берегу на 50° с.ш., высадиться там и исследовать местность, спускаясь вниз по течению столько, сколько мне позволит время, выполняя распоряжения в. пр-ва и помня, что мы находимся на расстоянии 500 лиг (36) от континента.

Но, с другой стороны, время бежит быстро, приближается осеннее равноденствие и первые осенние холода и штормы. Поэтому я предложил также другой вариант: не делать остановок и, начиная с этой минуты, взять курс непосредственно на форт Монтерей, следуя приказу командира, который он отдал еще на Уналашке. Все одобрили это мое предложение, полагая, что у нас уже нет времени на исследование побережья, поскольку погода начала резко портиться, небо из-за тяжелых туч потемнело еще больше, солнце то появлялось, то скрывалось за ним, и на всем горизонте ясного неба было не больше, чем на одну лигу. В связи с этим около 2 часов дня я повернул корабль на юго-восток (курс вдоль берега) с целью как можно скорее достичь Сан-Бласа, где мы бросили якорь уже вечером 22 сентября.

Сан Блас, 28 октября 1788 г. Гонсало Лопес де Аро.
Копия, Мехико, 27 ноября 1788 г., выполнил Антонио Бонилья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Alvarez de Toledo A. y Val M. del. Españoles y rusos en el Pacífico // Indice cultural español. – 1983. – Noviembre. – № 12.*
- (2) Материалы для истории заселений по берегам Восточного океана. – СПб., 1861. *Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М., 1968. Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках. – Л., 1979; Россия и США. Становление отношений. 1765–1815. – М., 1980; Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в.: Сб. док-тов / Редкол.: А.Л. Нарочницкий (гл. ред.) и др. – М., 1984; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: Сб. док-тов. – М. 1989; История Русской Америки (1732–1867): В 3 т. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. академ. Н.Н. Болховитинов. – М., 1997. – Т. 1.*
- (3) Впервые об угрозе со стороны русских заявили во второй половине 50-х гг. XVIII в. иезуиты А.М. Буррьель и Х. Торрубия. *Альперович М.С. Русско-испанское соперничество в Америке в последней трети XVIII в. // IBERICA AMERICANS. Культуры нового и Старого Света XVI–XVIII вв. в их взаимодействии. – М.; СПб., 1991. – С. 125.*
- (4) Россия и Испания. Док-ты и мат-лы. 1667–1917. 1667–1799. – М., 1991. – Т. 1. – С. 166.
- (5) *Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. – М., 1986. – С. 202.*
- (6) Россия и Испания... – С. 219. В 1770 г. была отправлена специальная экспедиция во главе с Гаспаром де Портолой для изучения берегов Калифорнии. По возвращении в Мадрид один из ее участников, Мигель Костансо, составил карту, которая вклю-

чала полуостров Калифорнию, Калифорнийский залив и побережье Северной Америки от 43° до 20°24' с.ш. В 1771 г. эта карта была издана в Мадриде, а в 1772 г. в багаже де Ласи она попала в Петербург.

- (7) С.С. Зиновьев – Н.И. Панину. 10.1.1774 // Архив Внешней Политики Российской Империи (далее – АВПРИ). – Ф. «Сношения России с Испанией». – Оп. 58. – Д. 351. – Л. 4.
- (8) С.С. Зиновьев – Н.И. Панину. 9 (20) апреля 1775 г. // Там же. – Д. 358. – Л. 94, 95.
- (9) С.С. Зиновьев – Н.И. Панину. 5 (16) мая 1776 г. // Там же. – Д. 362. – Л. 70; 12 (23) мая 1776 г. – Д. 362. – Л. 74–75.
- (10) *Альперович М.С.* Франсиско де Миранда... – С. 203–205.
- (11) О заселении русскими западного побережья Северной Америки имеется обширная американская историография. Назовем лишь исследования, имеющие принципиально важное значение: *Russians in California // California Historical Society Quarterly*. – 1933. – September. – Vol. 1; *Gibson J.R.* Imperial Russia in frontier America: the changing geography of supply of Russian America, 1784–1867. – N.Y., 1976; *Carranza Castellanos E.* The Russian invasion of California. – San Antonio, 1984.
- (12) Рапорт штурманского ученика Г.Г. Измайлова в контору над Петропавловским портом о посещении о-ва Уналашка экспедицией Д. Кука. 1779 г. апреля 20 // Средневековые исторические источники Востока и Запада // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1740-1760/Issl_russ_tich_ok_XVIII/41-60/58.phtml?id=3858
- (13) Россия и Испания... – С. 336.
- (14) Там же.
- (15) О том, что ситуация там была крайне смутной, писал М. де Асанса в 1784 г. «Громадное расстояние и бескрайние просторы, отделяющие полуостров Камчатку от столицы, огромные безлюдные территории, ее составляющие, незначительная или вовсе отсутствующая торговля с ее жителями приводят к тому, что здесь мало знают о том, что там происходит... В реляции Кобелева сообщается о русской колонии, которая уже давно основана в этой части Америки, но она до настоящего времени забыта своими соотечественниками. Неудивительно, что после выхода в свет дневника третьего путешествия знаменитого англичанина Кука, описывающего малую привлекательность побережья Камчатки и прилегающей к ней Америки, все считают, что в этих местах русские не достигнут больших успехов». Россия и Испания... – С. 336.
- (16) «Сан Карлос», спущенный на воду в Маниле, имел и другое название – «Эль Филиппино».
- (17) Приказ об их назначении был подписан королем 18 декабря 1787 г. В состав команды входили также: на «Ла Принсеса» старшим был Антонио Паласиос, лоцманами – Антонио Серантес и Эстебан Мондофия, который немного говорил по-русски; судовые священники – Хосе Лопес де Нава и Хосе Мария Диас, а также врач Диего Муньос. На «Сан Карлосе» лоцманы Хуан Мартинес-и-Сайяс и Хосе Мария Нарваэс, помощник лоцмана Хосе Вердиа и священник Николас Лоера. *Wagner H.R.* Cartography of the Northwest coast of America, to the year 1800. – Berkeley, 1937. – V. 1. – P. 202.
- (18) *Альперович М.С.* Франсиско де Миранда... – С. 210–212.
- (19) Морская база испанцев в Северной Калифорнии.
- (20) Документ сохранился без подписи и адресата. Данные взяты из исследования американского историка А. Халла, который, однако, датирует документ 27 августа (см. *Hull A.H.* Spanish and Russian Rivalry in the North Pacific Regions of the New World, 1760–1812. – Alabama, 1966). Опубликован в: Россия и Испания... – С. 378.
- (21) Оригинал этого документа мы обнаружили в библиотеке Хантингтона (Калифорния, США). Для публикации использована его копия, отложившаяся в Архиве Индий в

- Севилье (Archivo General de Indias. Estado. F. 20–34). Отчет де Аро использовали в своих исследованиях Г. Вагнер, Э. Вила Вилар и У. Кук (*Wagner H.R. Cartography of the Northwest coast... Op. cit; Vila Vilar E. Los rusos en America. – Sevilla, 1966; Cook W.L. Flood Tide of Empire. Spain and the Pacific Northwest, 1543–1819. – New-Haven; L., 1973*). На русском языке документ публикуется впервые.
- (22) В 1962 г. испанский историк Роберто Баррейро-Мейро опубликовал статью «Первая встреча испанцев и русских в Америке»: *Barreiro-Meiro R. El primer encuentro entre españoles y rusos en America // Revista General de Marina. – Vol. CLXII. – Madrid, 1962. – P. 229–234*, которая базируется на дневнике Эстебана Хосе Мартинеса и описании им встречи с русскими на Уналашке. Однако на Уналашку оба корабля прибыли только 4 августа 1788 г., поэтому справедливо было бы считать первой встречей, от которой осталось документальное описание, встречу на острове Кадьяк Лопеса де Аро и Е.И. Деларова (Дневник Мартинеса опубликован: *Collección de Diarios y Relaciones para la Historia de los viajes y descubrimientos. – № VI. In-to Histórico de Marina. – Madrid, 1964*).
- (23) Испанская экспедиция 1774 г., обнаружившая этот остров, назвала его Сан-Лоренсо. Со временем первоначальное испанское название в сочетании с тем, которое употребляли местные жители, превратилось в Сан-Лоренсо-де-Нутка.
- (24) Русские называли эту гавань на острове Кадьяк гаванью Трех Святителей. Испанцы использовали карты, составленные Д. Куком во время его третьего плавания (1776–1779), которые они получили в 1786 г. через французского морехода Лаперуза. Поэтому на карте де Аро географические названия представляют собой испанский или французский вариант названий Кука, которые часто не совпадали с русскими наименованиями.
- (25) Так испанский капитан понял фамилию Деларова (*del Haro*), поэтому он называет его «капитан дель Аро» или «капитан Аро».
- (26) Чугацкий залив.
- (27) Речь идет о проливе Шелихова.
- (28) Кенайская губа или Кенайский залив.
- (29) Мыс Св. Гермогена, крайняя юго-западная точка на острове Кадьяк.
- (30) Бухта Трех Святителей (*Three Saints Bay*) – небольшая бухта на юго-восточной стороне острова Кадьяк, расположенного к югу от Аляски. Она находится в 97 км (60 милях) к юго-западу от главного населенного пункта острова, города Кадьяк. Там Г. Шелиховым в 1784 г. было основано первое русское поселение на Аляске. Бухта и поселение были названы по имени одного из кораблей Шелихова. Поселение было перемещено на место сегодняшнего Кадьяка после того, как в 1792 г. оно было разрушено землетрясением или цунами.
- (31) На юге острова Афогнак.
- (32) Мыс Елизаветы назван в честь третьей дочери короля Георга III. Это западная оконечность острова Елизаветы, входящего в группу островов Чугач, лежащих у южной оконечности полуострова Кенай. Острова эти Кук счел оконечностью этого полуострова.
- (33) «Ла Принсеса» достигла острова Троицы 27 июня 1788 г.
- (34) Так Лопес де Аро назвал находившегося на острове штурмана Потапа Кузьмича Зайкова.
- (35) Мыс Тринити – это юго-западная оконечность Кадьяка // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1760-1780/Kuk_3/primtext33.phtml
- (36) 1 морская лига – 5555 м.

SPAIN AND RUSSIA IN THE NORTH PACIFIC

O.V. Volosyuk

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the first significant contact between the Russians and the Spanish during their colonization of California and the Pacific Northwest, which happened on the first Russian permanent settlement on Kodiak Island. The report of the captain of the Spanish paquetbot «La Princesa» Gonzalo Lopez del Aro, offered for the publication, investigates the Russians and their settlement.

Key words: Spanish-Russian relations, colonization, Pacific Northwest, California, Alaska.